

Преподобная МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ

Житие и канон

Преподобная МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ

Житие и канон

Издание 3-е

«Христианская жизнь»
Клин 2011

УДК 27-5
ББК 86.37
ИС 11-116-1745

***Рекомендуется
Издательским Советом
Русской Православной Церкви***

Преподобная Мария Египетская. Житие и канон. – Клин: Христианская жизнь, 2011. – 48 с.
ISBN 978-5-93313-136-6

Житие воспроизводится по тексту «Жития византийских святых» (пер. с греч. по изданию: Patrologia graeca ed. Migne, t. 87, pars 3). Это редко встречающийся и наиболее полный текст жития. Однако издатели несколько приблизили этот перевод к тексту жития, приводимому в Минее и Настольной книге священнослужителя (т. 3).

Брошюра снабжена фотографиями, которые позволяют наглядно представить места, о которых повествуется в житии. Даются пояснения к малопонятным словам и выражениям. Приводятся канон, молитва, тропарь, кондак и величание преподобной Марии.

ISBN 978-5-93313-136-6

От редакции

Святая Церковь трижды в году вспоминает великую святую – преподобную Марию Египетскую:

1. В день ее преставления († 522) – 1 (14) апреля.

2. На богослужении четверга 5-й недели Великого поста, которое называется «стоянием Марии Египетской». В среду вечером во всех храмах читается Великий канон святого Андрея Критского, а также канон преподобной Марии и ее житие (это, пожалуй, единственное житие, которое сейчас в Церкви читается во время богослужений). Церковь в этот день предлагает верующим наиболее сильные образы покаяния.

3. В пятое воскресенье (Неделю) Великого поста. Напомним, что 1-я Неделя посвящена Торжеству Православия, 2-я – святителю Григорию Паламе, 3-я – Крестопоклонная, 4-я – преподобному Иоанну, автору знаменитой «Лествицы», 5-е – преподобной Марии Египетской, 6-е – Входу Господа в Иерусалим. Вот в каком ряду стоит память преподобной Марии!

Кем она была? Великой грешницей, блудницей, ненасытной в грехе, жила в Александрии, славившейся роскошью и пороками. Благодать Божия и заступничество Матери Божией обратили ее к покаянию, и покаяние ее превзошло по силе своей и ее грехи, и представление о возможном для человеческой природы. 47 лет Преподобная провела в пустыне, из них в течение 17 лет (ровно столько, сколько она грешила) она вела жестокую борьбу с обуревавшими ее страстями, пока не очистила ее Благодать Божия, пока не отмыла и не высветлила ее душу до состояния ангельского. Святой

старец Зосима, по воле Божией открывший подвижницу людям, жил в очень строгом монастыре, был в этом монастыре одним из самых суровых подвижников, но он поражен был той степенью святости, которой преподобная Мария обладала еще при жизни. Во время молитвы она поднималась над землей; ходила по воде, как по суше; повторяла строки Священного Писания и рассуждала, как просвещенный богослов, хотя никогда не умела читать и не слышала слова Божия; она была почти бесплотна и питалась только тем, что давала пустыня. Поистине, то, что увидел Зосима, превышало не только просто человеческие, но и понятия иноческие. И в то же время она не переставала плакать о своих грехах и считать себя самой грешной в очах Божиих.

Житие преподобной Марии Египетской было и есть одно из самых любимых чтений русского народа (как и житие святого Алексия, человека Божия). Житие ее, похожее на сказку, но не вызывающее сомнений в его реальности, неизменно трогает читателя, напоминает ему о безмерной милости Божией, а с другой стороны – о необходимости собственных великих усилий, чтобы высветлить, изменить свою душу так, чтобы в ней не было ничего противного Богу, чтобы Богу приятно было в ней обитать.

Нет греха, которого не может простить Милосердие Божие, если в этом грехе принесено искренное, чистосердечное, слезами добытое покаяние. И наоборот, незначительный по человеческим меркам грех, но не раскаянный, может преградить душе вход в Царство Небесное. Воспоминание о жизни Марии Египетской ободряет грешных и предупреждает нерадеющих о спасении души – в этом урок, который дает нам в житии Преподобной Святая Церковь.

Житие прп. Марии Египетской

Тайну цареву прилично хранить (Тов. 12, 7), а о делах Божиих объявлять похвально. Так сказал ангел Товиту[1] после чудесного прозрения очей его и после перенесенных им тягот, от которых Товит по своему благочестию был потом избавлен. Ибо разгласить цареву тайну опасно и губительно, умалчивать же о пречудных делах Божиих вредит душе. Потому, страшась умолчать о Божественном и опасаясь участи раба, который, получив от владыки своего талант, зарыл его в землю (см.: Мф. 25, 14–30) и данное ему для пользования спрятал, не истратив, я[2] не утаю дошедшего до меня священного предания. Да уверует всякий в слово мое, передающее то, что мне довелось услышать, да не подумает он, поразившись величием случившегося, будто я что-нибудь приукрашиваю. Да не уклонюсь я от истины и да не искажу ее в слове своем, где упомянут Бог.

Не пристало, думаю я, умалять величие воплощенного Бога Слова, соблазняясь об истинности передаваемых о Нем преданий. К людям же, которые будут читать эту мою запись и, поразившись предивному, что в ней запечатлено, не за-

[1] Товит – праведный иудей; из-за своего благочестивого поступка потерял зрение, но никогда не роптал на Бога и был за это вознагражден.

[2] Сказание приписывается перу иерусалимского патриарха Софрония I (634–644).

хотят ему поверить, пусть милостив будет Господь, ибо, отправляясь от несовершенства естества человеческого, они считают невероятным все, что выше людского понимания.

Далее я перейду к своему повествованию о том, что случилось во времена наши и о чем поведал святой муж, привыкший с самого детства говорить и совершать угодное Богу. Пусть же не соблазнит неверного заблуждение, будто в наши дни не случается столь великих чудес. Ибо благодать Господня, из поколения в поколение нисходящая на святые души, приготовляет, по слову Соломона (Прем. 7, 27), друзей Господа и пророков. Однако пора приступить к благочестивому этому повествованию.

* * *

В одном палестинском монастыре в окрестностях Кесарии подвизался некий инок именем Зосима, равно украшенный делом и словом, который чуть что не с пелен был взрощен в монастырском обычае и трудах.

Проходя поприще подвижничества, он укрепил себя во всяческом смирении, соблюдал всякое правило, поставленное в этой школе подвига ее наставниками, а многое сам добровольно назначал себе, стремясь подчинить плоть духу. И старец достиг избранной цели, ибо столь прославился как муж духовный, что из ближайших, а нередко и из дальних монастырей постоянно приходило к нему множество братьев, чтобы его наставлением укрепиться для подвига. И хотя он предан был деятельной добродетели, всегда размышлял над словом Божиим, и ложась в постель свою, и вставая от сна, и занятый рукоделием, и когда случа-

лось ему вкушать пищу. Если же тебе угодно знать, каким брашном[1] он насыщался, то скажу тебе, что постоянным псалмопением и раздумиями над Священным Писанием. Рассказывают, что нередко старец удостаивался Божественных видений, ибо получал озарение свыше. Ибо «кто не оскверняет плоть и всегда трезвится, бодрствующим оком души видит божественные видения и получает в награду блага вечные».

Однако на 53-м году своей жизни Зосима начал смущаться мыслью, что по совершенству своему не нуждается более в наставничестве. Он рассуждал: «Есть разве на земле монах, который мог бы преподать мне что-нибудь или был бы в состоянии наставлять меня в подвиге, какого я не ведаю и в котором не упражнялся? Разве найдется кто среди пустынножителей больший меня деятельной жизнью или созерцательной?» Однажды старцу предстает некий муж и говорит ему: «Зосима, ты славно, насколько это в силах человеческих, подвизался и славно прошел монашеское поприще. Однако никто не достигает совершенства, и ожидающий его подвиг труднее уже совершенного, хотя человек этого и не ведает. Чтобы ты уразумел, сколько есть еще других дорог ко спасению, уйди из этой обители, как Авраам из дома отца своего (Быт. 12, 1), и ступай в монастырь вблизи реки Иордан».

Тотчас старец, согласно этому повелению, покидает обитель, в которой он с младенческих лет жил, приближается к святой реке, и, путеводимый тем же ранее представшим ему мужем, нахо-

---

[1] Брашно – снедь, пища.

дит монастырь, который приготовил ему для жительства Бог.

Постучав в двери, он видит привратника, который сообщает о его приходе игумену. Тот, приняв старца и увидев, что он со смирением по монашескому обычаю творит поклон и просит за него помолиться, спрашивает: «Откуда и зачем ты пришел, брат, к этим смиренным старцам?» Зосима отвечает: «Откуда я пришел, незачем говорить, пришел же я, отец, ради назидания духовного, ибо слышал о вашем славном и достохвальном житии, могущем духовно приблизить ко Христу, Богу нашему». Игумен сказал ему: «Единый Бог, брат мой, врачует слабость человеческую, и Он обнаружит тебе и нам Божественную Свою волю и наставит тому, как надобно поступать. Человек же не может наставить человека, если тот сам не будет постоянно ревновать о духовной пользе и рассудительно стремиться совершать должное, надеясь в этом на помощь Божию. Однако, если любовь к Богу подвигла тебя, как ты говоришь, прийти к нам, смиренным старцам, оставайся здесь, раз ты для этого пришел, и Добрый Пастырь, отдавший душу свою во искупление наше и по имени зовущий своих овец, напитает всех нас благодатью Святого Духа».

Когда он кончил, Зосима снова склонился перед ним и, попросив игумена помолиться за него и сказав «аминь», остался в том монастыре. Он увидел, как старцы, преславные своей деятельной жизнью и созерцанием, служат Богу: псалмопение в монастыре никогда не смолкало и длилось всенощно, в руках монахов всегда была какая-нибудь работа, а на устах псалмы, никто не

произносил праздного слова, заботы о преходящем не тревожили, годовые прибытки и попечение о житейских печалях даже по имени не были известны в обители. Единственным стремлением у всех было, чтобы каждый был мертв телесно, ибо умер и перестал существовать для мира и всего мирского. Всегдашним брашном были там боговдохновенные слова, тело же монахи поддерживали только самым необходимым – хлебом и водой, ибо каждый горел любовью к Богу. Зосима, увидев их житие, ревновал об еще большем подвиге, принимая все более тяжелые труды, и нашел сподвижников, прилежно трудившихся в вертограде[1] Господнем.

Прошло много дней, и настало время, когда христиане соблюдают Великий пост, приготовляясь почтить страсти Господни и Его Воскресение. Монастырские ворота более не отворялись и постоянно были на запоре, чтобы монахи без помех могли свершать свой подвиг. Отмыкать ворота запрещалось, кроме тех редких случаев, когда сторонний монах приходил за каким-нибудь делом. Ведь место то было пустынное, недоступное и почти не известное соседним монахам. В монастыре исстари соблюдалось правило, из-за которого, я полагаю, Бог привел Зосиму сюда. Что это за правило и как оно соблюдалось, я сейчас скажу. В воскресенье перед началом первой седмицы поста[2] по обычаю преподавалось Причастие, и всякий приобщался чистых тех и животворящих Таин и, как это принято, вкушал немного от еды;

---

[1] Вертоград – букв. – огороженный сад.

[2] Воскресенье перед началом первой седмицы поста – Прощеное воскресенье.

все затем вновь собирались в храме, и после долгой молитвы, творимой коленопреклоненно, старцы давали друг другу целование, каждый из них с поклоном подходил к игумену, прося его благословения на предстоящий подвиг. По окончании этих обрядов монахи отворяли ворота, согласным хором пели псалом: *Господь просвещение мое и спаситель мой: кого убоюся? Господь защититель живота моего: от кого устрашуся?* (Пс. 26, 1) – и все выходили из обители, оставляя там кого-нибудь не за тем, чтобы сторожить их добро (ибо у них не было ничего, что могло бы привлечь воров), но дабы не оставлять церковь без присмотра.

Каждый запасался чем мог и чем хотел из съестного: один брал сколько ему требовалось хлеба, другой – сушеные фиги, третий – финики, четвертый – моченые бобы; некоторые не брали с собой ничего, кроме рубища[1], прикрывавшего их тело, и насыщались, когда испытывали голод, растущими в пустыне травами. Правилом и непреложно наблюдаемым законом у них было, чтобы один монах не знал, как подвизается другой и чем занят. Едва перейдя Иордан, все далеко отходили друг от друга, разбредались по всей пустыне, и один не приближался к другому. Если же кто издали замечал, что какой-нибудь брат идет в его сторону, немедля уклонялся с дороги, и шел в другом направлении, и пребывал наедине с Богом, непрестанно распевая псалмы и питаясь тем, что оказывалось под рукой.

---

[1] Рубище – изодранная, ветхая одежда.

Так монахи проводили все дни поста и возвращались в монастырь в воскресенье[1], предшествующее животворящему восстанию Спасителя из мертвых, чтобы торжествовать предпразднество по чину Церкви с вайями[2].

Каждый приходил в монастырь с плодами своих трудов, зная, какой его подвиг и какие семена он взрастил, и один не спрашивал другого, как тот проходил назначенное себе делание. Таково было это монастырское правило и так оно во благо совершалось. Ведь в пустыне, имея судьей единственно Бога, человек состязается с самим собой не ради угождения людям и не для того, чтобы выставить свою стойкость напоказ. Совершаемое же ради людей и им в угоду – не только без пользы для подвизающегося, но и служит для него причиной великого зла.

И вот Зосима, по положенному в этом монастыре правилу, с малым запасом необходимого для телесных нужд пропитания и в одном рубище перешел Иордан. Следуя этому правилу, он шел по пустыне и ел, когда его побуждал к тому голод. В определенные часы дня останавливался на краткий отдых, творил песнопения и, преклонив колена, молился. Ночью там, где его застигала темнота, он прямо на земле вкушал краткий сон, а на рассвете снова продолжал путь и всегда шел в одном направлении. Ему хотелось, как он говорил, дойти до внутренней пустыни[3], где он надеялся встретить кого-нибудь из живущих там от-

---

[1] Речь идет о Празднике Входа Господа в Иерусалим или о *цветоносной* неделе, на Руси называемой Вербным воскресением.

[2] Вайи – ветви финиковой или палестинской ивы.

[3] Внутренняя пустыня – самая труднодоступная, суровая ее часть.

цов, который мог бы духовно просветить его. Зосима шел быстро, словно спеша к какому-то славному и знаменитому прибежищу.

Он шел так 20 дней и однажды, когда он пел псалмы шестого часа[1] и творил обычные молитвы, обернувшись к востоку, вдруг справа от того места, где он стоял, Зосима увидел как бы человеческую тень. Он задрожал от ужаса, думая, что это диавольское наваждение. Оградив себя крестным знамением и стряхнув страх, Зосима повернулся и увидел, что подлинно кто-то идет в сторону полдня. Человек был наг, темен кожей, как те, кого опалил солнечный зной, волосы же имел белые, как руно[2], и короткие, так что они едва достигали шеи. Зосима возвеселился неизреченным веселием, ибо не видел во все те дни ни людского облика, ни следов или признаков зверя или птицы. Он бросился бежать в ту сторону, куда поспешал представший ему муж в жажде узнать, что это за человек и откуда, надеясь стать свидетелем и очевидцем преславных дел.

Когда этот путник понял, что издали за ним следует Зосима, он бросился бежать в глубь пустыни. Зосима же, как бы забыв о своей старости и презрев тяготы пути, решил его настигнуть. Он преследовал, а муж тот усиливался уходить. Но Зосима бежал быстрее и вскоре приблизился к убегающему настолько, что тот мог расслышать его голос. Тогда старец вскричал со слезами:

– Зачем бежишь от меня, грешного старца? Раб Божий, подожди, кто бы ты ни был, ради Бога,

---

[1] Время было полуденное.
[2] Руно – шерсть.

по любви к Которому ты поселился в этой пустыне. Подожди меня, немощного и недостойного. Остановись, удостой старца своей молитвы и благословения ради Бога, не отторгающего ни единого человека.

В этот момент они достигли впадины, как бы изрытой речным потоком. Беглец сошел в нее и вышел на другой ее край, а Зосима, утомившись и не в силах далее бежать, стоя на этом, начал плакать и сокрушаться.

Тогда муж тот сказал:

– Авва Зосима, прости меня ради Бога, но нельзя мне оборотиться и показаться тебе на глаза, ибо я женщина и совсем нага, как ты видишь, и срам моего тела ничем не прикрыт. Но если тебе угодно исполнить просьбу грешницы, дай свое рубище, чтобы мне скрыть то, что выдает во мне женщину, и я повернусь к тебе и приму твое благословение.

Ужас и восторг, как он передавал, овладели Зосимой, когда он услышал, что женщина назвала его по имени. Ибо, как муж острого ума, умудренный в вещах Божественных, старец понял, что она не могла бы назвать по имени человека, которого никогда прежде не видела и о ком никогда не слышала, не стяжав дара прозорливости.

Тотчас Зосима исполнил то, о чем женщина его просила, и разорвал ветхий свой гиматий[1] и, повернувшись к ней спиной, бросил половину ей. Женщина, прикрывшись, поворачивается к Зосиме и говорит ему:

---

[1] Гиматий – род плаща.

– Зачем тебе, авва[1] Зосима, угодно было видеть грешницу? Что ты хотел узнать или увидеть, не убоявшись подъять такой труд?

Он, склонив колени, просил у нее благословения, а она, также преклонившись перед ним, просила о том же. Оба они простерты были на земле, и каждый просил благословить его, и оба говорили только: «Благослови».

По прошествии достаточного времени женщина сказала Зосиме:

– Авва Зосима, тебе приличнее благословить меня и за меня помолиться, ибо ты почтен пресвитерским[2] саном, уже много лет предстоишь святому престолу и преподаешь Святые Дары.

Это повергло Зосиму в еще сильнейший страх и смятение. Задрожав, старец покрылся испариной и стал плакать, и голос его от стенаний пресекся, и он сказал, прерывисто и часто дыша:

– Все обнаруживает, духовная матерь, что ты удалилась к Богу и умерла для мира. Дарованная тебе благодать угадывается из того, что ты, никогда меня не видев, назвала имя мое и сан. Но, так как благодать измеряется не саном, а достоинствами, ради Бога, благослови меня и помолись за меня, ибо я нуждаюсь в твоей помощи.

Тогда, уступив настояниям старца, женщина говорит:

– Благословен Господь, хотящий спасения душам человеческим и пекущийся о телах наших.

---

[1] Авва – *отец*. На христианском Востоке так называли настоятелей монастырей или известных своей мудростью и благочестием старцев-подвижников.

[2] Пресвитер – вторая степень священства, сан, соответствующий священническому.

Когда Зосима сказал «аминь», оба они поднялись с колен.

Женщина говорит старцу:

– Зачем ты пришел ко мне, грешной, человече? Зачем пожелал увидеть женщину, не имеющую нисколько добродетели? Если благодать Святого Духа путеводила тебя ради того, чтобы со временем ты послужил мне, скажи, каковы теперь судьбы христианского рода? Как императоры? Как устрояются дела церковные?

Зосима говорит ей:

– Коротко сказать, по твоим, мать, святым о нас молитвам, Христос даровал всем прочный мир. Но прими недостойную мольбу старца и помолись обо всем мире и обо мне, грешном, чтоб не бесплодно было мое долгое странствие по этой пустыне.

Женщина ответила ему:

– Тебе, авва Зосима, имеющему священнический сан, скорее надлежит, как я уже сказала, молиться обо мне и обо всех, ибо для этого он тебе дан, но, так как должно соблюдать послушание, я с охотой подчиняюсь твоему велению.

С этими словами она обращается к востоку и, возведя к небу глаза и воздев руки, начинает шептать молитву. Голоса не было ясно слышно, потому Зосима не мог разобрать слов молитвы. Стоя на коленях, как он рассказывал, объятый дрожью, он молчал. Зосима, свидетельствуясь Богом, утверждал, что, видя, как долго женщина та молится, он немного приподнялся и, взглянув, узрел, что она творит молитву, возвысившись чуть не на локоть[1] от земли и застыв в воздухе. Тут

---

[1] Локоть – мера длины, немного менее 0,5 м.

его одержал еще больший страх, и в великом смятении он не смел ничего сказать, только, простершись на земле, многажды повторял: «Господи, помилуй!» Внезапно пришел к нему помысел – не дух ли это злобный и не притворна ли молитва его?

Женщина облегчила душу Зосимы, повернувшись и сказав:

– Почему, авва, мысли твои смущают тебя и ты соблазняешься обо мне, что я дух и молитва моя притворна? Верь, человече, что я, грешница, ограждена, однако, святым Крещением; не дух я, а персть земная и прах, всецело плоть, чуждая Духа.

При этом она осеняет крестным знамением лоб, глаза, губы и грудь, говоря так:

– Господь, авва Зосима, да избавит нас от лукавого и от его козней, ибо необорима Господня сила.

Увидев и услышав такое, старец пал на землю и со слезами обнял стопы ее, говоря:

– Заклинаю тебя именем Господа Иисуса Христа, рожденного Девой, из любви к Которому ты облеклась этой наготой и так изнурила свою плоть, не утаи от раба своего, кто ты, откуда, когда и каким образом пришла в эту пустыню. Не утаи от меня свою жизнь и поведай все, чтобы открылось величие Господне, как гласят слова: *Сокрытая мудрость и сокровище невидимое – какая в них польза?* (Сир. 41, 17). Поведай мне все, ради Бога, ибо будешь говорить не для тщеславия и похвальбы, а в назидание мне, грешному и недостойному. Ибо я верую Богу, ради Которого ты живешь и подвизаешься, и в эту пустыню путеводительствован был того ради, чтобы Господь от-

крыл мне твои подвиги. Не в нашей власти противоборствовать приговорам Божиим. Не будь угодно Христу, Богу нашему, чтобы открылся подвиг твой, Он не попустил бы, чтобы кто-нибудь узрел тебя, и не укрепил меня на совершение столь дальнего пути.

Когда авва Зосима сказал это и многое другое, женщина возвеселила дух его словами:

– Мне совестно, авва, поведать тебе о сраме дел моих, прости мне, ради Бога. Но, так как ты зрел нагое мое тело, я обнажу перед тобой и деяния мои, дабы ты узнал, какого позора и нечестия исполнена моя душа. Не из боязни, как тебе мнилось, согрешить тщеславием не хотела я – подлинно сосуд диавола – поведать о себе: я знала, что, начни я повествовать о своей жизни, ты бежал бы меня, как бегут от ядовитой змеи, не в силах внимать мерзости, которую я творила. Однако поведаю, ни о чем не умолчав, но об одном прошу – не ослабевай в молитве за меня, чтобы Господь смилостивился надо мной в час Своего суда.

Старец не переставая плакал, а женщина начала рассказывать свою жизнь:

– Родом я, брат мой, из Египта. При жизни родителей я в двенадцать лет, презрев любовь к ним, ушла в Александрию. Когда я потеряла чистоту и сколь неудержимо и жадно влеклась к мужчинам, мне совестно даже вспоминать, ибо стыд теперь не позволяет мне говорить. Коротко скажу, чтобы ты узнал, как похотлива я была и как падка до наслажденья: 17 лет, да простишь ты мне это, я торговала собой и, клянусь, не ради корысти, ибо часто отказывалась, когда мне пред-

лагали плату. Поступала я так, безвозмездно совершая то, чего мне хотелось, чтобы привлечь к себе большее число желающих. Не думай, что я не брала денег, потому что была богата: мне приходилось просить подаяние или прясть, но я была одержима ненасытной страстью пятнать себя грязью. Я почитала жизнью постоянное поругание своего тела.

Проводя так дни свои, однажды летом я замечаю большую толпу мужчин, ливийцев и египтян, спешащих к морю, и спрашиваю одного из прохожих: «Куда торопятся эти люди?» Он ответил: «В Иерусалим на праздник Честного Воздвижения Креста, который наступает через несколько дней». Я спросила его: «А возьмут они с собой меня, если я захочу плыть с ними?» Он ответил: «Если у тебя есть деньги на проезд и на пропитание, никто тебе не помешает». Я сказала ему: «Брат, у меня нет ни на проезд, ни на пропитание. Все же я пойду с ними на нанятый ими корабль, и, угодно им это или не угодно, они должны будут меня кормить, ибо за проезд я заплачу своим телом». Мне хотелось отправиться с ними (прости мне, авва), чтобы иметь много любовников к услугам своей похоти...

Я предупредила тебя, авва Зосима, чтобы ты не заставлял меня рассказывать о своем распутстве, ибо мне страшно, видит Бог, сквернить словами тебя и самый этот воздух.

А Зосима, окропляя слезами землю, отвечал ей:

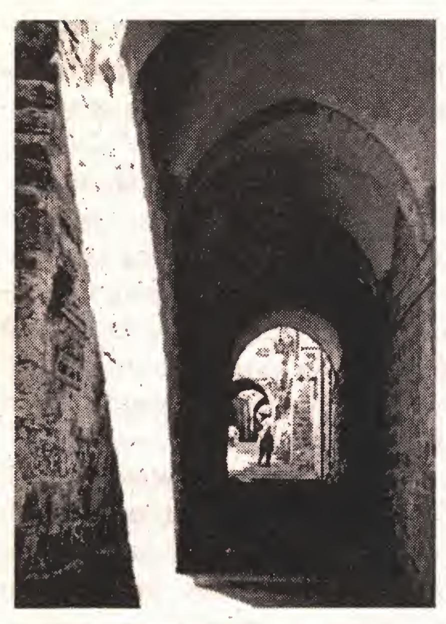
– Говори, Бога ради, матерь моя, говори и не утаивай ничего, что составляет назидательную твою повесть.

Она продолжила:

– Тот юноша, услышав мои бесстыдные слова, со смехом пошел прочь. А я бросила свое веретено (иногда я носила его с собой) и побежала к морю вслед за спешащей туда толпой, повстречавшейся мне. Заметив на берегу каких-то юношей, около десяти или более человек, крепких телом и стремительных в движениях, показавшихся мне подходящими для того, к чему я стремилась (юноши, видимо, помогали своим спутникам подняться на корабль, ибо некоторые пришедшие раньше уже заняли свои места) по великому своему бесстыдству, я вмешалась в их толпу и сказала: «Возьмите меня с собой, я буду вам не без пользы». Добавив еще более непристойные слова, я всех заставила рассмеяться.

Юноши увидели мою готовность ко всяческой разнузданности и взяли меня на свой корабль, а так как медлить было не для чего, он снялся с якоря... Как я поведаю тебе о дальнейшем, отец? Чей язык мог бы передать и чье ухо выслушать, что было в пути? К чему только не побуждала я этих несчастных даже против их воли?! Нет такого сказуемого или несказуемого разврата, в котором я не была бы для этих несчастных наставницей. Я, авва, дивлюсь, как море стерпело мое распутство, как земля не разверзла свои недра и заживо не поглотила меня, уловившую в свои сети столько душ. Бог, я думаю, хотел моего раскаяния, ибо Он хочет не смерти грешника, но, по великодушию Своему, ждет его обращения...

Так мы достигли Иерусалима. Все дни, которые я прожила в городе до праздника, я провела так же, если не более позорно. Уже мало мне было юношей, с которыми я имела дело во время пла-

Одна из улочек Иерусалима

вания и которые в пути служили мне, и я совратила многих других, выбирая для этого и жителей Иерусалима, и чужеземцев. Когда наступил святой праздник Воздвижения Креста, я, по обыкновению, ходила по городу, охотясь за душами юношей, и однажды на рассвете увидела, что все идут в церковь, и пошла вместе со всеми.

Когда пришел час святого Воздвижения Креста, расталкивая других и в свою очередь теснимая, я пыталась войти в церковь. С великим трудом, мне, несчастной, удалось протиснуться к дверям, ведущим внутрь храма, где молящимся являли животворящее Древо Креста[1]. Но когда я была уже на пороге и все беспрепятственно вошли, меня не пустила войти какая-то сила, не дав мне переступить порог. Меня снова оттеснили, и я осталась стоять в притворе.

Решив, что причина этого женское слабосилие, я вновь смешалась с входящими в храм и изо всех сил боролась и отталкивала соседей локтями, ста-

---

[1] Это была часть Животворящего Креста Господня, найденного в IV веке святой равноапостольной царицей Еленой.

раясь пройти вперед. Но все усилия были тщетны, ибо, когда злосчастные мои ноги ступили на порог, все люди беспрепятственно вошли и только меня, окаянную, храм не принимал. Словно воинский отряд, которому приказано было преградить мне вход, некая сила неизменно препятствовала мне, и снова я оказывалась в притворе.

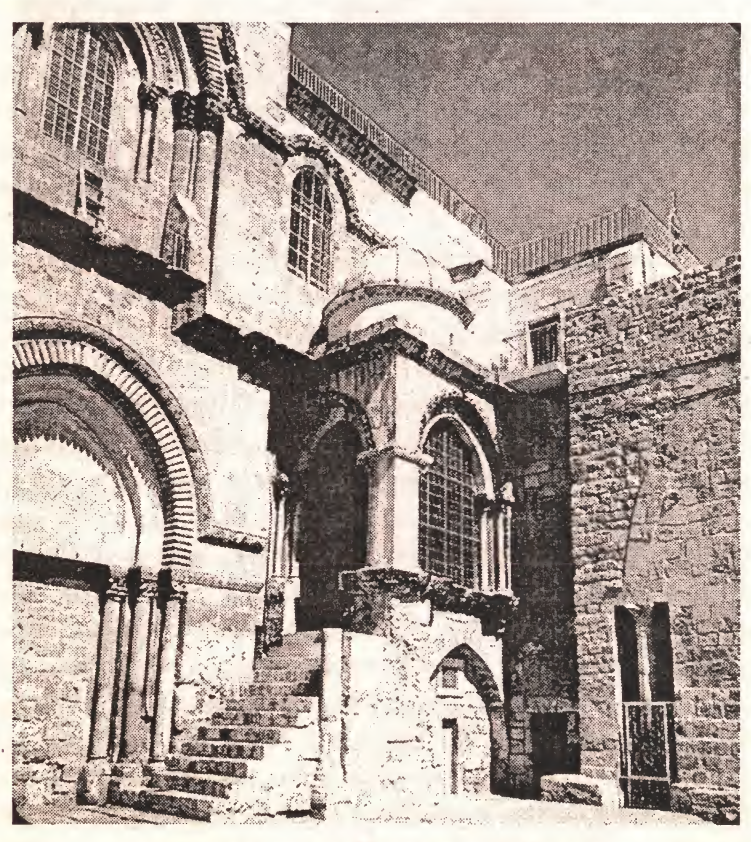
Трижды и четырежды безуспешно пытаясь войти, я выбилась из сил и, будучи не в состоянии расталкивать людей и сносить, чтобы меня толкали (тело мое ослабло от усилий), в конце концов сдалась и отступила в угол притвора.

И тогда мне открылась причина, по которой не дано мне было узреть животворящее Древо Креста, ибо духовные очи мои озарила благодать Господня, указуя, что мерзость дел моих закрывала мне доступ в храм.

Я начала плакать и скорбеть, ударяя себя в грудь и из глубины души испуская стоны, и тут увидела над собой икону Пресвятой Богородицы и говорю к ней, не сводя с нее глаз: «Дева Владычица, родившая во плоти Бога-Слово! Знаю, что недостойна я, столь запятнанная грехом, взирать на пресвятой Твой образ. Ибо Твоя чистота должна по справедливости ненавидеть меня и отвращаться от моего распутства. Но поскольку, как я слышала, Бог, рожденный Тобой, для того и воплотился в человека, чтобы призвать грешников к покаянию (Мк. 2, 17), заступись за одинокую и ни в ком не имеющую опоры, сделай, чтобы и мне было дозволено войти в храм. Не лиши меня созерцания Креста, на котором распятый во плоти Бог и Сын Твой пролил кровь Свою и за меня, грешную. Повели, Владычица, открыть мне две-

ри, чтобы я могла поклониться Святому Кресту и рожденному Тобой Богу! Стань моей Поручительницей в том, что никогда более не осквернюю мою плоть постыдным соитием, но, когда взгляну на Крестное Древо Сына Твоего, тотчас отвергнусь мира и всего мирского и тотчас уйду, куда Ты, Поручительница моего спасения, прикажешь мне и куда поведешь меня».

Так я сказала и, укрепленная своей горячей верой и ободренная состраданием Богородицы, по-

Здесь, предположительно, Мария пыталась войти в храм

Голгофа. Здесь находилось Крестное Древо Спасителя

кидаю то место, стоя на котором творила молитву. Снова я иду и замешиваюсь в толпу входящих в храм, и сейчас никто уже не отталкивает меня, и я в свою очередь не отталкиваю никого, никто не мешает мне приблизиться к дверям, ведущим внутрь храма. Меня объяли страх и восхищение, и вся я с головы до ног трепетала и содрогалась. Затем я достигла дверей, дотоле недоступных для меня. Сила, прежде препятствовавшая, теперь пролагала мне дорогу. Я свободно преступила порог, и, войдя в святой храм, удостоилась зреть Животворящий Крест, и увидела святое таинство,

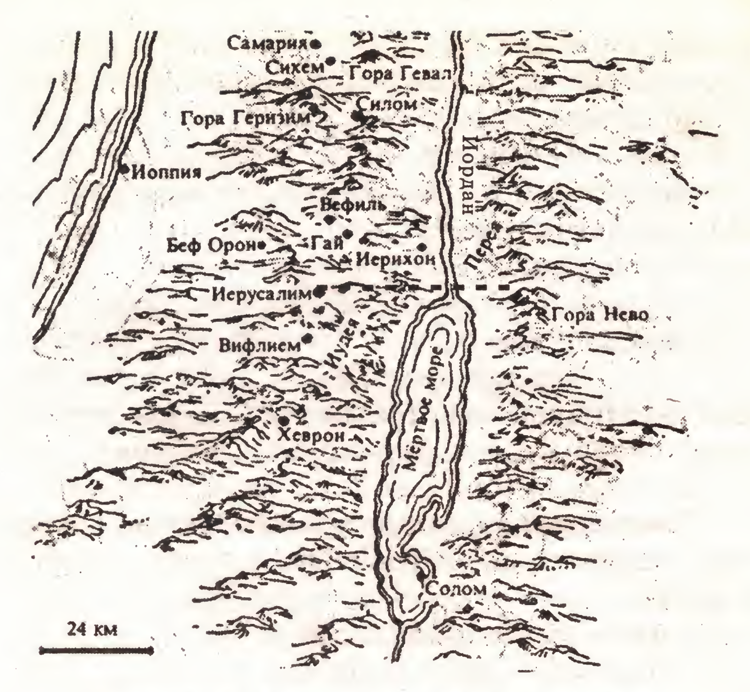
и поняла, сколь милостив Бог к кающимся. И вот я, несчастная, пала ниц, лобзая святые те плиты, и поспешно вышла, торопясь к Той, Которая стала моей Поручительницей. Я пришла туда, где дала свое обещание, и, склонив колени пред Приснодевой и Богоматерью, сказала так: «Ты, милосердная Владычице, явила Свое ко мне человеколюбие и не отторгла моей мольбы. Хвала Богу, по заступничеству Твоему принимающему раскаяние грешников. Что я, недостойная, могу думать и говорить? Пришел час, Владычица, чтобы исполнились слова Твоего за меня поручительства. Ныне путеводи меня, куда Тебе угодно, ныне будь мне Наставницей спасения и Руководительницей на пути покаяния». Произнося это, я услыхала как бы издалека говорящий голос: «Перейди Иордан, и обретешь блаженное успокоение». Я поняла, что эти слова были обращены ко мне, и в слезах вскричала к Богородице: «Владычица, Владычица, не оставь меня».

С этим я покидаю притвор храма и спешу прочь. Когда я выходила, какой-то человек дал мне три мелких медных монеты, сказав: «Возьми, амма»[1]. Я на эти деньги купила три хлеба. Спросив хлебопека: «Где проходит дорога на Иордан, человече?» и узнав, какие ворота ведут в ту сторону, я быстро вышла из города и со слезами пустилась в путь. Своими расспросами опережая чужие, я без отдыха шла весь день (кажется, был третий час дня[2], когда я узрела Крест) и на закате солнца

---

[1] Амма – *мать*. На христианском Востоке так называли настоятельниц монастырей или известных своей мудростью и благочестием подвижниц.

[2] Около 9 утра по-нашему.

Пунктиром обозначен путь Марии в пустыню

пришла, наконец, к храму Иоанна Крестителя у Иордана. Прежде всего сотворив там молитву, я тотчас вошла в Иордан и окропила той священной водой лицо и руки, затем в храме Предтечи причастилась чистых и животворящих Таин, съела половину одного хлеба и, напившись воды из Иордана, легла спать на земле. Утром я нашла невдалеке от этого места небольшую лодку, переправилась на другой берег и снова стала просить Богородицу путеводить меня, куда Ей будет угодно. И вот я оказалась в этой пустыне и, с той поры до сегодняшнего дня пребывая здесь, бегаю от мира сего, чая *Бога, спасающаго... от малодушия и от бури* (Пс. 54, 9) тех, кто приходит к Нему.

Зосима сказал ей:

– Сколько лет, госпожа моя, пребываешь ты в этой пустыне?

Женщина ответила:

– Кажется, тому 47 лет, как я покинула Святой город.

Зосима сказал:

– Чем же ты питаешься, госпожа моя?

Женщина сказала:

– Два с половиной хлеба были у меня с собой, когда я переправилась через Иордан; вскоре они зачерствели и высохли, и я их понемногу съела.

Зосима сказал:

– И столько лет ты прожила вовсе без печали и при столь внезапной перемене вовсе не ведала соблазна?

Женщина ответила:

– Ты спросил меня ныне, авва Зосима, о том, о чем мне страшно даже говорить. Ибо, если теперь стану вспоминать все опасности, которые претерпела, и ужасные мысленные соблазны, боюсь, что вновь они одержат меня.

Зосима сказал:

– Не умалчивай ни о чем, госпожа моя, ибо однажды я уже попросил тебя, чтобы, ничего не опуская, ты во всем меня поучила.

Она сказала:

– Истинно, авва, семнадцать лет я сражалась в этой пустыне с необузданными своими страстями, как с лютыми зверями. Когда я садилась есть, мне хотелось мяса и египетской рыбы, хотелось вина, столь мной любимого, ибо, живя в миру, я много его пила; здесь же, не находя и воды, я сгорала от жажды и несказанно страдала. Посе-

Пустыня за Иорданом

щала меня и безрассудная тоска по разгульным песням, постоянно смущая меня и побуждая напевать их демонские слова, которые я помнила. Тогда я плакала и била себя в грудь, вспоминая об обете, который дала, удаляясь в пустыню, и однажды мысленно очутилась я пред иконой Богоматери, моей Поручительницы, и жаловалась Ей, умоляя прогнать соблазны, осаждающие мою злосчастную душу. Однажды, когда я долго плакала и сколько доставало сил наносила себе удары, какой-то свет внезапно озарил меня. И с тех пор настала для меня после треволнения великая тишина. Как, авва, поведаю тебе о помышлениях, снова толкавших меня в блудный грех? В моем злосчастном сердце горело пламя и всю меня жгло, возбуждая похоть. Едва этот помысел посещал меня, я бросалась на землю и обливала ее слезами; мне думалось, что моя Заступница и Хранительница явилась сюда, чтобы покарать нарушительницу обета. Случалось, я по суткам лежала так, пока тот сладостный свет не изливался

Пустынный пейзаж

на меня, прогоняя соблазнявшие ко греху помыслы. Впоследствии я всегда обращала духовные свои глаза к моей Поручительнице, прося помочь мне, терпящей бедствие в море этой пустыни. И Она была мне опорой в моем раскаянии. Так во множестве искушений прошли первые семнадцать лет. Но с той поры до сего дня Богородица не оставляла меня и руководительствовала во всем.

Зосима сказал ей:

– Неужели не испытывала ты недостатка в еде и одежде?

Она отвечала ему:

– Съев те хлебы, о которых упомянула, я питалась травами и тем, что могла найти в пустыне. Гиматий же, бывший на мне, когда я переправилась через Иордан, сносился. Мне пришлось не-

мало страдать от холода и летнего зноя, когда меня палила жара или, дрожащую, сковывал холод, так что часто я падала наземь и лежала почти бездыханно и недвижимо. Я постоянно сражалась с кознями и ужасными искушениями диавола. Но с того времени и до сих пор сила Божия всяким путем сохраняла мою грешную душу и жалкое тело. Ибо одно воспоминание о том, от скольких опасностей я была ею избавлена, насыщает меня нетленным брашном, надеждой на спасение. Ведь брашно мое и крепость – слово Господне. Ибо *не хлебом единым живет человек* (Втор. 8, 3), и совлекшие с себя покров греха облекаются скалой, когда им нечем скрыть наготу[1].

Зосима, услышав, что она еще сохраняет в памяти слова Писания, из книги Моисеевой, Иова и Псалтири, сказал ей:

– Ты, госпожа моя, читала только Псалтирь или и другие священные книги?

На это она улыбнулась и говорит старцу:

– Истинно, я не видела человека, с тех пор как переправилась через Иордан, кроме как сегодня тебя, не встречала и ни единого зверя, ни другой какой твари, как пришла в эту пустыню. Грамоте же я никогда не училась и не слышала даже, как поют псалмы или что-нибудь оттуда читают. Но слово Божие, наделенное жизнью и силой, само дает человеку ведение. Здесь кончается моя повесть. Но, как в начале ее, и ныне заклинаю тебя воплощением Божественного Слова молиться обо мне, грешной, перед Господом.

---

[1] Ср. Иов 24, 7–8: *Нагие кочуют без покрова, и без одеяния на стуже; мокнут от горных дождей, и, не имея убежища, жмутся к скале*; см. также Евр. 11, 38.

Так сказав и закончив свой рассказ, она пала к ногам Зосимы. И снова старец со слезами вскричал:

– Благословен Бог, творящий великие, чудные, славные и предивные дела, которым нет числа. Благословен Бог, показавший мне, как Он награждает тех, кто боится Его. Истинно, Господи, Ты не оставляешь взыскующих Тебя.

Женщина, удержав старца, не позволила ему пасть ей в ноги и сказала:

– Все, что ты услышал, человече, заклинаю тебя нашим Спасителем Христом, никому не рассказывай, пока Бог не разрешит меня отселе[1]. А теперь ступай с миром. На следующий год ты увидишь меня, а я тебя, хранимого благодатью Господней. Сделай, ради Бога, то, о чем я тебя прошу, – в будущий Великий пост не переходи, как принято у вас в монастыре, Иордан.

Зосима удивился, что ей ведомо монастырское правило, и сказал только:

– Слава Богу, дарующему великие блага любящим Его.

Она говорит:

– Оставайся, авва, как я тебе сказала, в монастыре; ведь, если б и захотел, невозможно тебе будет выйти. В день святой Тайной Вечери[2] возьми для меня в священный и достойный подобных таинств сосуд от Животворного Тела Христова и Крови и стой на том берегу Иордана, который ближе к поселениям, чтобы я могла прийти и при-

---

[1] Речь идет о кончине праведницы.

[2] В Великий Четверг на Страстной седмице – день, когда Церковь вспоминает Тайную Вечерю и установление на ней Господом Таинства святого Причастия или Евхаристии.

частиться Святых Даров. Ибо с тех пор как я приобщилась в храме Предтечи, до того как перейти Иордан, до сего дня не приобщалась и теперь всей душой этого жажду. А потому молю, не пренебрегай моей просьбой и принеси мне те животворящие и святые Тайны в тот самый час, когда Господь созвал учеников на святую Свою вечерю. Авве же Иоанну, игумену твоего монастыря, скажи так: «Призри на себя и на овец своих, ибо они творят дурные дела, которые должно исправить». Но я не хочу, чтобы ты сейчас сказал ему об этом, а когда Бог повелит тебе сделать так.

Кончив и сказав старцу: «Помолись за меня», она скрылась во внутренней пустыне.

Зосима склонил колени и припал к земле, где запечатлелись следы ее, восславил и возблагодарил Господа и в ликовании пошел назад, славословя Господа нашего Иисуса Христа. Вновь пройдя ту пустыню, он вернулся в монастырь в день, когда у тамошних монахов было принято возвращаться.

Весь год Зосима молчал, не смея никому рассказать то, что он видел, но в душе молил Бога снова явить ему желанный лик. Он страдал и сокрушался, что ждать придется целый год. Когда же наступило воскресенье перед Великим постом, все тотчас после обычной молитвы вышли из монастыря с песнопениями, а Зосиму одержала лихорадка, которая заставила его остаться в келии. Он вспомнил слова святой, сказавшей: «Если б и захотел, невозможно тебе будет выйти из обители».

Спустя несколько дней он восстал от болезни, но оставался в монастыре. Когда же прочие монахи вернулись и наступил день Тайной Вечери, он

сделал то, о чем женщина попросила его. Взяв в сосудец Пречистого Тела и Честной Крови Господа нашего Иисуса Христа и положив в корзину фиг, фиников и немного моченых бобов, он поздним вечером покидает монастырь и в ожидании прихода святой садится на берегу Иордана.

Хотя святая медлила своим появлением, Зосима не сомкнул глаз и непрестанно смотрел в сторону пустыни, ожидая ту, кого желал увидеть. Сидя так, старец говорил себе: «Может быть, она не идет из-за какого-то моего прегрешения? Может, не нашла меня и вернулась назад?» Говоря так, он заплакал и в слезах стенал, и, воздев глаза к небу, так молил Бога: «Не отнимай у меня, Господи, блаженства снова увидеть то, что дозволил однажды лицезреть. Да не уйду я только с тяжестью обличающих меня грехов». После этой слезной молитвы иная мысль посетила его, и он стал говорить себе: «Что будет, если она придет? Ведь лодки нигде нет. Как она переправится через Иордан и подойдет ко мне, недостойному? Увы мне, жалкому, увы, несчастному! По грехам моим не дано мне вкусить такого блага!»

Пока старец думал такие думы, появилась святая и стала на том берегу реки, откуда шла. Зосима поднялся в радости и ликовании со своего места, славя Бога. И опять приступило к нему сомнение, что она не сможет перейти Иордан. И видит тогда (ночь выдалась лунная), как святая осенила крестным знамением Иордан и вступила в воду, и пошла по воде немокренно[1], и направилась к нему.

---

[1] Как по сухому.

Еще издали она остановила старца и, не позволяя ему пасть ниц, крикнула:

– Что ты делаешь, авва, ведь ты иерей и несешь Святые Дары?

Он повиновался, и святая, выйдя на берег, сказала:

– Благослови, отец, благослови меня.

Он, дрожа, ответил ей:

– Подлинно неложны слова Господа, рекшего, что по силам очищающие себя подобны Богу. Слава тебе, Христе, Боже наш, внявший мольбе моей и явивший милосердие рабу Своему. Слава Тебе, Христе, Боже наш, через эту Свою рабу открывший мне великое несовершенство мое.

Женщина попросила прочесть Символ веры и «Отче наш». Когда Зосима кончил творить молитву, она по обычаю облобызала старца.

Причастившись Животворящих Таин, она воздела руки к небу и со слезами произнесла молитву: *Ныне отпущаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему, с миром. Ибо видели очи мои спасение Твое* (см.: Лк. 2, 29). Потом говорит старцу:

– Прости, авва, прошу тебя исполнить еще одно мое желание. Сейчас ступай в свой монастырь, хранимый благодатию Божией, а на следующий год снова приди в то место, где я в первый раз тебя видела. Ступай, ради Бога, и вновь по воле Божией увидишь меня.

Старец отвечал ей:

– О, если б мне было возможно сейчас последовать тебе и вечно видеть честной твой лик. Но исполни единственную просьбу старца – вкуси немного от того, что я принес тебе здесь.

И с этими словами он показывает ей свою корзинку. Святая только кончиками пальцев притро-

нулась к бобам, взяла три зернышка и поднесла их ко рту, сказав, что довольно и духовной благодати, хранящей в чистоте душу человека. Затем снова говорит старцу:

– Помолись, ради Бога, помолись за меня и поминай меня, злосчастную.

Он, припав к стопам святой и призывая ее молиться за Церковь, за государство и за него, отпустил со слезами, ибо не дерзал долее удерживать свободную. Святая вновь перекрестила Иордан, вошла в воду и, как прежде, пошла по ней.

Старец возвращался, исполненный ликования и трепета, укоряя себя за то, что не спросил имени святой; однако надеялся сделать это в следующем году.

По прошествии года старец снова идет в пустыню, торопясь к той святой. Пройдя довольно по пустыне и обнаружив приметы, указывающие ему место, которое искал, Зосима стал озираться по сторонам и все оглядывать в поисках сладчайшей добычи, подобно опытному ловчему. Когда же удостоверился, что нигде ничего не видно, заплакал и, подняв глаза к небу, стал творить молитву, говоря: «Яви мне, Владыка, сокровище Твое некрадомое, сокрытое Тобою в этой пустыне. Яви мне, молю, ангела во плоти, которого недостоин мир». Так молясь, он оказался в как бы изрытом рекой углублении и увидел в восточной его части ту святую женщину, лежащую мертвой; руки ее были сложены по обычаю, а лик обращен к восходу. Подбежав, он омочил слезами ее стопы, к остальному же ее телу не смел прикоснуться. Довольно часов плакав и прочитав приличествующие времени и обстоятельству псалмы, сотворил молитву

погребения и сказал себе: «Не знаю, схоронить останки святой или ей это будет неугодно?» Говоря это, он видит в головах ее начертанную на земле надпись, гласящую: «Здесь схорони, авва Зосима, останки смиренной Марии и прах предай праху, непрестанно вознося молитвы Господу за меня, скончавшуюся по египетскому счислению в месяце Фармуф[1], по ромейскому[2] в апреле, в ночь страстей Спасителя, по принятии Святых Таин».

Прочитав эту надпись, старец возликовал, узнав имя святой, а также и то, что она, причастившись у Иордана Святых Таин, тотчас очутилась на месте своего отшествия. Путь, который Зосима с большим трудом преодолел за двадцать дней, Мария совершила за один час и сразу отошла к Господу.

Славя Бога и окропляя слезами тело Марии, он сказал:

– Время, Зосима, свершить то, что велено. Но как, несчастный, ты сможешь вырыть могилу, когда нет у тебя в руках ничего?

Сказав это, он увидел неподалеку обломок дерева, лежащий в пустыне. Подняв его, Зосима начал рыть землю. Но земля была суха и не поддавалась его усилиям, а старец устал и обливался потом.

Испустив из глубины души стон и подняв голову, он видит, что могучий лев стоит у останков святой и лижет стопы ее. Старец при виде льва задрожал от страха, особенно когда вспомнил слова

---

[1] Фармуф или фармуфи – месяц коптского календаря, соответствующий нашему марту – апрелю.

[2] Ромейскому – византийцы, подчеркивая свою преемственную связь с Римской империей, называли себя *ромеями*.

Марии, что никогда она не встречала в пустыне зверя. Осенив себя крестным знамением, он ободрился, уповая на то, что чудесная сила усопшей сохранит его невредимым. Лев же стал ластиться к старцу, выказывая дружелюбие всей повадкой.

Зосима сказал льву:

– Зверь, великая заповедала схоронить ее останки, а я не имею сил выкопать могилу; вырой ее когтями, чтобы нам предать земле тело святой!

Тотчас же лев передними своими лапами изрыл яму, достаточную, чтобы схоронить тело. Старец снова окропил ноги святой слезами и, прося ее молиться обо всех, предал тело земле (лев при этом стоял поблизости). Оно было, как и прежде, нагим, одетым только тем лоскутом гиматия, который дал ей Зосима.

После этого оба удалились: лев, подобно овце, отступил во внутреннюю пустыню, а Зосима повернул назад, благословляя Господа нашего Иисуса Христа и воссылая Ему хвалы.

Возвратившись в свой монастырь, он обо всем рассказал монахам и игумену, не скрыв ничего из того, что ему довелось услышать и увидеть, но все с самого начала им передал, так что они дивились величию Господню и со страхом и любовью чтили память святой. А игумен Иоанн нашел в монастыре людей, нуждающихся в исправлении, так что и здесь слово святой не оказалось праздным.

Зосима скончался в этом монастыре почти ста лет от роду.

Монахи из поколения в поколение передавали это предание, пересказывая в назидание всем же-

лающим внимать. Я записал то, что дошло до меня изустно. Другие, быть может, тоже описали жизнь святой и много меня искуснее, хотя ни о чем подобном я не слыхал, а потому, как мог, составил этот рассказ, заботясь более всего об истине. Господь, щедро воздающий тем, кто прибегает к Нему, да вознаградит и читающих, и слушающих, и передавших нам эту повесть и сподобит нас благой части с блаженной Марией Египетской, о которой здесь было сказано, вместе со всеми от века Своими угодниками, почтенными за созерцание и совершение деятельной добродетели. Восславим же и мы Господа, Чье царство вовеки, дабы удостоил и нас в Судный день Своего милосердия во Иисусе Христе, Господе нашем, всяческая слава Которому, честь и вечное поклонение с безначальным Отцом и Пресвятым, Благим и Животворящим Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Канон прп. Марии Египетской

Глас 4

Песнь 1

Ирмос: Мо́ря чермну́ю пучи́ну невла́жными стопа́ми дре́вний пешеше́ствовав Изра́иль, крестообра́зныма Моисе́овыма рука́ма Амали́кову си́лу в пусты́ни победи́л есть.

Припев[1]: Преподо́бная ма́ти Мари́е, моли́ Бо́га о нас.

Скве́рну прегреше́ний очи́сти смире́нныя моея́ души́, Твое́ю ми́лостию, Христе́, мглу и омраче́ние страсте́й отжени́ моли́твами преподо́бныя Твоея́.

Страстьми́ плотски́ми оскверни́вши душе́вное благоро́дие, воздержа́нием па́ки, о честна́я, твой ум просвети́ла еси́, ту́чами слез твои́х ду́шу уясни́вши.

Сла́ва: Еги́пта страсте́й избе́гла еси́, я́ко от грехо́вна исто́чника, и, фарао́на изба́вльшися лю́таго оскверне́ния, безстра́стия ны́не зе́млю насле́довала еси́, и со Ангелы лику́еши при́сно.

---

[1] Припев произносится перед первым и вторым тропарями каждой песни, но не читается перед тропарями, начинающимися со «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу» и «И ныне и присно и во веки веков. Аминь».

И ны́не: Зря́щи Твою́ ико́ну, Влады́чице, Богороди́тельнице Чи́стая, и ро́ждшагося Сло́ва от Твоея́ пречи́стыя, Де́во, утро́бы, и пору́чницу Тя к Сему́ те́пле про́сит пресла́вная.

Песнь 3

Ирмос: Весели́тся о Тебе́ Це́рковь Твоя́, Христе́, зову́щи: Ты моя́ кре́пость, Го́споди, и прибе́жище, и утвержде́ние.

Возсмерде́шася душе́вныя и согни́шася твоя́ ра́ны, но исто́чником слез твои́х сия́ омы́ла еси́ те́пле.

Побежде́ни бы́ша тобо́ю де́монстии полцы́, и страстна́я взыгра́ния слеза́ми ура́нила еси́.

Сла́ва: Яко у́тренний о́блак и я́коже ка́пля, ка́плющи, была́ еси́ всем, пролива́ющи во́ды покая́ния спаси́тельнаго.

И ны́не: Тя Предста́тельницу, Чи́стая, и спасе́ние, и кре́пость иму́щи, Креста́ свята́го дре́ву, честна́я, поклони́ся.

Кондак, глас 3

Блуда́ми пе́рвее преиспо́лнена вся́ческими, Христо́ва неве́ста днесь покая́нием яви́ся, а́нгельское жи́тельство подража́ющи, де́мона креста́ ору́жием погубля́ет. Сего́ ра́ди Ца́рствия неве́ста яви́лася еси́, Мари́е пресла́вная.

Седален, глас 8

Взыгра́ния вся плотска́я обузда́вши боле́зньми по́стническими, му́жественное показа́ла еси́ души́ твоея́ мудрова́ние, Креста́ бо возжеле́вши о́браз ви́дети, себе́, приснопа́мятная, ми́ру распя́ла еси́, отону́дуже и к ре́вности жития́ непоро́чнаго усе́рдно воздви́гла еси́ себе́, всеблаже́нная, Мари́е пресла́вная. Моли́ Христа́ Бо́га грехо́в оставле́ние пода́ти че́ствующим любо́вию свяу́ю па́мять твою́.

Сла́ва, и ны́не: Яко Де́ву и еди́ну в жена́х, Тя, без се́мене ро́ждшую Бо́га пло́тию, вси ублажа́ем, ро́ди челове́честии, Огнь бо всели́ся в Тя Божества́, и я́ко Младе́нца млеко́м пита́еши Зижди́теля и Го́спода. Тем, Ангельский и челове́ческий род, досто́йно сла́вим пресвято́е рождество́ Твое́ и согла́сно вопие́м Ти: моли́ Христа́ Бо́га согреше́ний оставле́ние дарова́ти покланя́ющимся ве́рою пресвято́му рождеству́ Твоему́.

Песнь 4

Ирмос: Вознесе́на Тя ви́девши Це́рковь на Кресте́, Со́лнце Пра́ведное, ста в чи́не свое́м, досто́йно взыва́ющи: сла́ва си́ле Твое́й, Го́споди.

Удали́лася еси́, бежа́вши, су́щих в ми́ре и сла́дких всех, еди́на же Еди́ному чи́-

сто приобщи́лася еси́ кра́йним воздержа́нием и терпе́нием дел твои́х.

Теле́сная движе́ния и разжже́ния воздержа́нием пои́стинне изсуши́ла еси́, ото́нудуже ду́шу украси́ла еси́, Мари́е всесла́вная, Боже́ственными виде́нии и де́тельми.

Сла́ва: Доброде́тельною твое́ю си́лою, слеза́ми и посто́м кра́йним, моли́твою же и ва́ром, зимо́ю и нагото́ю прия́телище была́ еси́ Свята́го Ду́ха че́стно.

И ны́не: К Твое́й ико́не прибе́гши, и из Тебе́ Рожде́ннаго, Мари́е Де́во, Тобо́ю ны́не обре́те жизнь безсме́ртную, в рай лику́ющи.

Песнь 5

Ирмос: Ты, Го́споди мой, свет в мир прише́л еси́, Свет Святы́й, обраща́яй из мра́чна неве́дения ве́рою воспева́ющая Тя.

В след Христа́ после́довала еси́, ра́дующися, córя́щи крест свой на ра́ме, Мари́е, и де́моны ура́нила еси́.

Показа́ла еси́ нам покая́ния лечбу́, показа́ла еси́ и стезю́, веду́щую па́ки к жи́зни негиблющей.

Сла́ва: Ты бу́ди ми, честна́я, засту́пница непобеди́ма и изба́ви страсте́й мя, боле́зни же вся́кия мольба́ми твои́ми ко Го́споду.

И ны́не: На Твою́, Влады́чице Чи́стая, ико́ну взира́ше, Тебе́ всегда́ моля́щися, страсте́й напада́ния преподо́бная посрамля́ше.

Песнь 6

Ирмос: Пожру́ Ти со гла́сом хвале́ния, Го́споди, Це́рковь вопие́т Ти, от бесо́вския кро́ве очи́щшися ра́ди ми́лости от ребр Твои́х исте́кшею Кро́вию.

По́том грехо́вную скве́рну омы́ла еси́, к нетле́нней же сла́ве твое́ю мы́слию смотря́ющи, ны́не обрела́ еси́ благопло́дие боле́знем твои́м, сла́вная.

Всем гре́шником, Мари́е, житие́ твое́ о́браз показа́ся, безме́рно согреши́вшим, в жити́и воста́ти и скве́рну очи́стити слеза́ми.

Сла́ва: Уще́дри смире́нную мою́ ду́шу, Человеколю́бче, ю́же оскверни́х, де́я нечи́стая хоте́ния пло́ти моея́, но Ты мя преподо́бныя моли́твами поми́луй.

И ны́не: Все́ю твое́ю душе́ю и се́рдцем возлюби́ла еси́ от Де́вы рожде́ннаго Бо́га Сло́ва, Жива́го и воплоще́нна, глас тебе́, преподо́бная, принесша.

Кондак, глас 4

Греха́ мглы избежа́вши, покая́ния све́том озари́вши твое́ се́рдце, сла́вная, при-

шла́ еси́ ко Христу́, Сего́ Всенепоро́чную и святу́ю Ма́терь Моли́твенницу ми́лостивную принесла́ еси́. Отону́дуже и прегреше́ний обрела́ еси́ оставле́ние и со Ангелы при́сно сра́дуешися.

Икос

Змия́, дре́вле во Еде́ме запе́ншаго Еве пре́лестию дре́ва, низве́ргла еси́ в ров Дре́вом Кре́стным, сла́вная Мари́е, и, отбе́гши сла́сти, чистоты́ возжеле́ла еси́, отону́дуже и с де́вами сподо́билася еси́ внутрь черто́га вни́ти твоего́ Влады́ки, с си́ми наслади́тися досто́йно. Того́ у́бо приле́жно моли́, я́ко да мно́гих грехо́в разреше́ние пода́ст и Своея́ жи́зни нас сподо́бит со Ангелы при́сно ра́доватися.

Песнь 7

Ирмос: В пещи́ Авраа́мстии о́троцы перси́дстей, любо́вию благоче́стия па́че, не́жели пла́менем опаля́еми, взыва́ху: благослове́н еси́ в хра́ме сла́вы Твоея́, Го́споди.

Ско́рбную и те́сную ше́ствовавши стезю́ я́ве, добро́тою доброде́телей уясни́вши ду́шу, Небе́сную дости́гла еси́ жизнь неконча́емую, иде́же Свет безконе́чный есть Христо́с.

Яже в ми́ре попра́вши вре́менная вся, ны́не лику́еши со все́ми во́инствы Ангель-

скими, воспева́ющи: благослове́н еси́ в хра́ме сла́вы Твоея́, Го́споди.

Сла́ва: Кова́рства вра́жия и ору́жия оскуде́ша вся кре́пким посто́м и моли́твою твое́ю, преподо́бная, и слеза́ми, и ны́не у́бо отго́нятся и страсте́й настоя́ния, Мари́е честна́я.

И ны́не: Неискусобра́чно я́же Бо́га безпло́тна поро́ждши воистинну и Де́ва пребы́вши поистинне, Твое́ю си́лою. Всечестна́я, отгна́ла еси́ страсте́й и де́монов во́инства.

Песнь 8

Ирмос: Ру́це распросте́р Дании́л, львов зия́ния в ро́ве затче́: о́гненную же си́лу угаси́ша, доброде́телию препоя́савшеся, благоче́стия рачи́тели о́троцы, взыва́юще: благослови́те, вся дела́ Госпо́дня, Го́спода.

Весь сия́нием доброде́телей озари́вши ум, Мари́е сла́вная, Бо́гу бесе́довавши, плоть бо истни́вши посто́м мно́гим и по́мыслом благочести́вым, пе́ла еси́, ра́дующися: благослови́те, вся дела́ Госпо́дня, Го́спода.

Креста́ зна́мением себе́ огради́вши, Иорда́нския нога́ми немо́кренными твоими во́ды преплы́вши, Мари́е, ве́рно и Небе́снаго Христа́, Те́лу и Кро́ви Его́, прича́щшися, – ны́не отпуща́еши рабу́ Твою́, – рекла́ еси́.

Сла́ва: Свяще́нник Боже́ственный Зоси́ма, таи́нник благода́ти, быстрину́ я́ко ви́де тя Иорда́нскую, сла́вная, преше́дшу немо́кренными нога́ми, стра́хом и тре́петом одержи́мь быв, ра́дуяся, поя́ше: благослови́те, вся дела́ Госпо́дня, Го́спода.

И ны́не: Тобо́ю, Пренескве́рная, тлю и скве́рну всю оттрясе́, и облече́ся, Влады́чице, в ри́зу безсме́ртну, и Тобо́ю Твоему́ Сы́ну преподо́бная вопия́ше: благослови́те, вся дела́ Госпо́дня, Го́спода.

Песнь 9

Ирмос: Ка́мень нерукосе́чный от несеко́мыя горы, Тебе́, Де́во, краеуго́льный отсече́ся, Христо́с, совокупи́вый разстоя́щаяся естества́, тем, веселя́щеся, Тя, Богоро́дице, велича́ем.

Ны́не нетле́нною и Боже́ственною воистину пи́щею насыща́ема и Све́том наслажда́ющися мы́сленным и Невече́рним в Небе́сных се́лех, иде́же Ангельстии чи́ни о нас Бо́га мо́лят.

Сла́вы теку́щия и тле́нныя же возгнуша́вшися, Мари́е, сла́ву и жизнь насле́довала еси́ блаже́нную. Христа́ моли́ о соверша́ющих твою́ всесвяту́ю па́мять всегда́.

Сла́ва: Виждь мою́ скорбь, преподо́бная, и стена́ние се́рдца, виждь тесноту́ жи́зни моея́, спаси́ мя от греха́ моего́ и ду́шу мою́ уще́дри твои́ми хода́тайствы ко Го́споду.

И ны́не: Влады́чице Чи́стая Богоро́дице, гре́шников спасе́ние, приими́ мольбу́ сию́, изба́ви мя от грех мои́х, Твоему́ Сы́ну прибега́юща, моли́твами преподо́бныя Твоея́.

Молитва

О вели́кая Христо́ва уго́днице, преподо́бная Мари́е! На Небеси́ Престо́лу Бо́жию предстоя́щи, на земли́ же ду́хом любве́ с на́ми пребыва́ющи, име́ющи дерзнове́ние ко Го́споду, моли́ спасти́ рабы́ Его́, к тебе́ с любо́вию притека́ющия. Испроси́ нам у Великоми́лостиваго Влады́ки и Го́спода ве́ры непоро́чное соблюде́ние, градо́в и ве́сей на́ших утвержде́ние, от гла́да и па́губы избавле́ние, скорбя́щим – утеще́ние, неду́гующим – исцеле́ние, па́дшим – возста́ние, заблу́ждшим – укрепле́ние, в дела́х благи́х преспея́ние и благослове́ние, сирота́м и вдо́вицам – заступле́ние и отше́дшим от сего́ жития́ – ве́чное упокое́ние, всем же нам в день стра́шнаго Суда́ одесну́ю страны́ о́бщники бы́ти и блаже́нный глас Судии́ ми́ра услы́шати: приидите, благослове́ннии Отца Моего́, насле́дуйте угото́ванное вам Ца́рствие от сложе́ния ми́ра, и та́мо пребыва́ния во ве́ки получи́ти. Ами́нь.

Тропарь, гл. 8

В тебе́, ма́ти, изве́стно спасе́ся, е́же по о́бразу, прии́мши бо крест, после́довала еси́ Христу́ и, де́ющи, учи́ла еси́ презира́ти у́бо плоть, прехо́дит бо, прилежа́ти же о души́, ве́щи безсме́ртней. Те́мже и со Ангелы сра́дуется, преподо́бная Мари́е, дух твой.

Кондак, гл. 4

Греха́ мглы избежа́вши, покая́ния све́том озари́вши твое́ се́рдце, сла́вная, пришла́ еси́ ко Христу́, Сего́ Всенепоро́чную и святу́ю Ма́терь Моли́твенницу ми́лостивную принесла́ еси́. Отону́дуже и прегреше́ний обрела́ еси́ оставле́ние и со Ангелы при́сно сра́дуешися.

Величание

Ублажа́ем тя, преподо́бная ма́ти Мари́е, и чтим святу́ю па́мять твою́: ты бо мо́лиши за нас Христа́ Бо́га на́шего.

250

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор – *М.Д. Молотников*
Корректор – *Е.А. Кислова*
Обложка – *С.Н. Якубовский*
Верстка – *О.С. Тишкова*

ПРЕПОДОБНАЯ МАРИЯ ЕГИПЕТСКАЯ
Житие и канон

Издательство «Христианская жизнь»
г. Клин М.О., ул. Литейная, 19
Тел. 8(49624)3-60-12
E-mail: klin36012@yandex.ru

Подписано к печати 15.12.2011
Печать офсетная. Бумага газетная
Формат 84x108/32. Печ. л. 1,5
Тираж 1000. Заказ 17

Отпечатано в типографии
Патриаршего издательско-полиграфического центра
г. Сергиев Посад

